

Глава 1

Хольмгард, 1-й год по смерти Олава конунга

Королеве Сванхейд предстояло сделать нелегкий выбор. В начале минувшей зимы она овдовела и вот уже почти полгода сама с помощью дружины и двоих младших сыновей правила в Хольмгарде — так на северном языке назывался городок на острове между Волховом и его двумя рукавами.

Из одиннадцати детей Сванхейд и Олава к этому времени в живых оставались лишь пятеро. Старшая из дочерей, Мальфрид, была киевской княгиней, а сын Ингвар уже пятнадцать лет жил там же, в Киеве. Но на совсем ином положении — как заложник. Того требовал договор, когда-то заключенный меж ныне покойным Олавом и Хельги киевским, который на юге звался Олег Вещий. Послав в Киев весть о смерти мужа, королева Сванхейд стала ждать возвращения Ингвара. Пришла пора ему занять место отца.

Наследнику досталась держава пусть не очень обширная, но способная сделать своего владельца богатым и влиятельным человеком. Все торговые гости, идущие из Восточного моря к хазарам и сарацинам, платили хольмгардским владыкам десятину. Город, расположенный на холме и мысу под ним, населяли ремесленники, торговцы и хирдманы конунга. Славяне и выходцы из Северных Стран ковали железо, плавил бронзу, резали кость, продавая свои изделия в округе, а для богатой знати делали украшения из серебра и даже золота. Вокруг лежали густонаселенные земли, удобные для обработки; пашни подступали к самым окраинам Хольмгарда, и с многочисленных земледельческих общин конунги брали дань.

Мудрая, опытная и решительная женщина, королева Сванхейд успешно поддерживала заведенный порядок, но все с большим не-

терпением ждала, что старший из ее сыновей вернется и возьмет управление державой над Волховом в свои крепкие мужские руки. И как еще она, мать, уживется с его женой, молодой княгиней...

Однако на исходе весны к Сванхейд вместо сына приехал совсем другой человек — Мистина, сын Свенельда, старого Ингварова воспитателя. И сообщил, что Ингвар не может вернуться в Хольмгард, поскольку провозглашен князем в Киеве.

— Провозглашен князем в Кенугарде? Ингвар, ты сказал? — Сванхейд подалась вперед, подумав, что слышалась. Ей прекрасно было известно, кто княжит в Киеве и почему. — Но как такое возможно?

При всем ее умении владеть собой Сванхейд переменилась в лице, подумав о том, что могло открыть Ингвару путь к киевскому столу.

— Так пожелала дружина, — коротко ответил посланец.

Теперь уже, пожалуй, посол.

— Но что случилось... — Сванхейд в тревоге уцепилась за подлокотники резного высокого сиденья и приподнялась, — с моим зятем? Он жив? И что с Мальфрид?

Того, кто еще недавно звался киевским князем, она знала очень хорошо. Олег Предславич, внук Вещего, сам много лет провел в Хольмгарде заложником, присланным сюда в обмен на Ингвара. Сванхейд не просто воспитала его — они с Олавом отдали за него замуж свою среднюю дочь.

— Он жив, и госпожа Мальфрид тоже цела и невредима, — успокоил ее Мистина. — Они покинули Киев и уехали на запад, в наследственные владения Олега, в Моравию. Между ними и Ингваром был заключен... ну, полюбовный уговор, — он выразительно двинул бровями, намекая, что к этой «любви» одну из сторон склонили обстоятельства. — Они увезли все собственное имущество, а также половину наследства Олега Вещего. Половина осталась княгине Эльге: ведь она — племянница Вещего и на поколение старше Олега-младшего. И поэтому ее муж имеет не меньше прав на киевский стол, чем внук покойного по женской ветви. Дружина предпочла вручить власть Ингвару, поскольку Олег не оправдал надежды людей. Он не желал вести русь на поиски добычи и славы. Теперь Ингвар с его женой Эльгой владеют Киевом и всеми землями ее дяди на юге. Но Ингвар надеется, что

ты, его мать, не отнимешь у него права наследовать также и за отцом.

— Так он желает... — Сванхейд привыкла к власти, но даже у нее захватило дух от мысли о том, на какую ширь простерлись притязания сына, — желает один владеть наследством и своего отца на севере, и дяди своей жены на юге?

— Именно так! — с торжествующей дерзостью ответил молодой посол.

По глазам его было видно: он вполне осознает размах затеянного дела и гордится успехом. Внешне оставаясь спокойной, Сванхейд была потрясена. В лице этого очень высокого, сильного и хорошо сложенного мужчины перед ней стояла та самая дружина, что привела бывшего заложника к власти в Киеве. Поколение, которое она видела щенятами, обратилось в волков и показало свою силу.

Хозяйка Хольмгарда увидела Мистину не впервые: здесь, в Хольмгарде, он и родился. Свенельд, его отец, в те времена был хирдманом молодого Олава конунга. Витислава, младшая дочь ободритского князя Драговита, досталась Свенельду как пленница, но он послал ее родным выкуп — пять других пленниц и захваченного вместе с ними священного белого коня, — и добился, чтобы Драговит признал брак законным. Мистина был единственным плодом этого союза. Семнадцать лет назад Свенельд увез обоих мальчиков, сына и воспитанника, в Киев. Три года назад Мистина уже навещал Олава и Сванхейд, когда старался устроить брак Ингвара с Эльгой — племянницей Вещего и родственницей плесковских князей. И он его устроил! Будто посланец Фрейра в саге о сватовстве к прекрасной дочери великана, сочетанием силы и хитрости парень раздобыл невесту для побратима, и благодаря ей Ингвар получил права на киевский стол.

То был первый их шаг к власти и славе. Теперь они совершили второй. И, судя по твердому взгляду посланца, уже устремленному к новой цели, не собирались на этом останавливаться.

Мистина был хорош собой, довольно правильные черты лица портила только горбинка на носу, оставшаяся от давнего перелома. Длинные русые волосы Свенельдич зачесывал назад и связывал в хвост, чтобы открыть красиво обрисованный лоб. Маленькая русая бородка не скрывала твердых очертаний челюсти. В серых

глазах светились дерзость и вызов, яркие губы были сложены так, будто вот-вот на них расцветет торжествующая усмешка.

В GRID вбежала Альдис, младшая из двух дочерей Сванхейд. Ей было восемнадцать лет, и отец-славянин мог бы уж года три-четыре как выдать ее замуж, но Олав не спешил с этим. В таких знатных родах любой брак — это союз куда большего количества людей, чем двоих. Как и мать, Альдис была высока, худощава, с очень светлыми волосами и бровями.

— Говорят, кто-то приехал от Инге... — начала она на ходу, устремляясь к матери, но тут увидела гостя. — Мисти! — радостно вскрикнула она. — Это ты!

Мистина, обернувшись, с улыбкой шагнул к ней и протянул руки. Альдис радостно обняла его. Когда отец увез шестилетнего Мистину в Киев, она была младенцем и его не запомнила, но три года назад, приехав сюда по делу к Олаву конунгу, он за несколько дней успел завоевать ее дружбу. Видя, как они обнимаются, Сванхейд слегка переменялась в лице и вонзила в эту пару заострившийся взор. В прошлый свой приезд Мистина намекал, что в награду за удачное сватовство к Эльге Ингвар обещал ему в жены собственную сестру. Олав тогда не сказал ни да, ни нет: сын Свенельда был хорошего рода, но никакими землями не владел, а Альдис могла рассчитывать на брак, который сделает ее госпожой над целым краем.

— Как ты похорошела! — Мистина нежно поцеловал девушку в щеку. — Но, Альди, не будем давать повода к сплетням: я женат.

Он сказал это с шутливым сожалением, но Сванхейд заметила, как вмиг погасло оживление дочери. Однако Мистина правильно сделал: чем дальше он тянул бы с этим признанием, тем больше оно ударило бы потом.

— Вот как! — Королева засмеялась, отвлекая внимание от дочери на себя и одновременно испытывая облегчение: ей не придется ему отказать. — Любопытная новость. На ком же?

— На сестре Эльги. Это хорошая женщина, и она ждет уже третьего ребенка.

— Так вы с Ингваром теперь свояки! — Сванхейд еще раз широко открыла глаза, внезапно обнаружив, что перед ней стоит новоявленный родич.

— Да, госпожа!

— А как поживает Эльга? Чем меня порадует моя невестка?

— У нее прекрасный сын, очень крепкий мальчик, да хранят его боги.

«По-прежнему один?» — подумала Сванхейд, уже знавшая о первенце Ингвара, но не стала упоминать вслух об этом досадном обстоятельстве.

Альдис отошла к своему обычному месту и села, с невозмутимым видом сложив руки на коленях. Сванхейд с одобрением проводила ее глазами: едва ли кто, кроме матери, угадает ее разочарование.

— Значит, Мальфрид с мужем и детьми уехала из Кенугарда? — Сванхейд вновь перевела взгляд на посланца.

— С мужем и сыном. Дочь их осталась в Кенугарде. Если помнишь, она обручена с древлянским князем, и они поженятся лет через семь, как подрастут.

— Мальфрид оставила ее? — удивилась Сванхейд. — Маленькую девочку?

— Ингвар и Эльга пожелали оставить свою племянницу у себя, — уточнил Мистина. — Но и Олег с Мальфрид согласились, что будущее родство с древлянским князем им тоже пойдет на пользу.

Сванхейд покачала головой. Она сама отослала четырехлетнего сына в чужие края, когда того потребовало благо ее северной державы, но он был лишь одним из шести ее отпрысков. У Мальфрид же всего двое детей. Королева не знала, что и думать: ее сын отнял у родной сестры и власть, и ребенка, а раздор в семье навлекает гнев богов и губит весь род.

— Зато, как мы надеемся, благодаря этому подтверждение договора с землей Деревской не будет стоить большого труда, — добавил Мистина. — Мы займемся этим зимой, когда поедем туда за данью. Можно лишь сожалеть, что Олег-младший не завел десять детей и не обручил их с наследниками всех князей на Восточном пути. Ведь теперь нам... то есть Ингвару нужно возобновить все договоры, которые были у прежних киевских князей с правителями руси, и славян, и со всеми другими: греками, хазарами, уграми, печенегами! Чуть ли не всех доверенных людей ему пришлось разослать по городам и землям. До Сюрнеса я ехал вместе с братьями Гордезоровичами, а оттуда один из них отправился в Плесков — к родичам Эльги. Мы надеемся на твою поддержку,

когда придется говорить с людьми из Страны Бобров — они не пойдут против твоей воли.

— А как же Сверкер из Сюрнеса?

— С ним я поговорил сам. И так понял, что его решение будет зависеть от тех вестей, что я привезу на обратном пути.

Мистина помолчал, давая Сванхейд возможность осмыслить сказанное, и продолжил:

— Сейчас судьба всех русских владений, от Восточного моря до Греческого, зависит от тебя, госпожа. Твоя мудрость понадобится, чтобы принять единственное правильное решение. Если ты поддержишь Ингвара и сохранишь за ним права наследования, то вперые все земли между этими двумя морями окажутся объединены в одних руках. Пока у власти находились Олег и Мальфрид, это было невозможно. Твой сын станет могуч, как ваш предок Харальд Боезуб, и положит начало могущественнейшему роду в этой части света. Или же ты предпочтешь, чтобы несколько твоих сыновей носили звание конунгов одновременно, и отдашь северные владения Олава твоим другим сыновьям. Но ты сама знаешь, что бывает, если несколько могущественных людей начинают делить наследство общих предков. От этого торжествуют только их враги.

— Вижу, что моего сына в Кенугарде плохо кормили, — обронила Сванхейд. Чем лучше она осознавала все значение случившегося, тем холоднее становилось ее лицо. Кроме победы, у этих событий имелась и обратная сторона. — Он вырос голодным и жадным. Отнял власть у родной сестры, изгнал ее на чужбину, разлучил с дочерью. . .

— Он сам схожим образом в детстве был разлучен с тобой, госпожа, его матерью! — быстро вставил Мистина. — И могу заверить: ему очень не хватало тебя все эти годы. У меня ведь тоже не было матери, и мы с ним росли среди одних только хирдманов.

Сванхейд заметила, как Альдис при этом бросила на него сочувствующий взгляд, и подсадовала про себя: и этот наглец смеет намекать, будто его было некому любить?

— Ингвар был лишен материнской заботы, но потом судьба послала ему сестру, — со сдержанным негодованием напомнила королева. — Он мог бы жить в любви с Мальфрид, как и положено родичам, но вместо этого оскорбил и ограбил ее и ее семью! А завладев этим наследством на юге, не хочет поделиться

отцовским наследием с братьями. Что за чудовище я выкормила своей грудью, скажи мне! — Сванхейд подалась вперед и вонзила в посланца пристальный взгляд голубых глаз. — Ты вырос с ним вместе, а я, оказывается, совсем его не знаю! Я привыкла жалеть его, своим унижением и неволей вынужденного оплачивать наш мир с Кенугардом, а оказывается, что жалеть надо всех тех, кто оказался у него на дороге!

— И все же он остается твоим сыном, госпожа, и может сделать для славы вашего рода куда больше всех прочих. Имея в руке меч, отважный человек добьется многого. А разрубив его на десять маленьких частей и одарив всю родню, мы получим десять бесполезных кусочков железа. Владея и Хольмгардом, и Кенугардом, Ингвар сможет крепко держать в руках все то, что между ними. Все пути, ведущие на Греческое и Хазарское моря. Управляя этой страной от имени брата, Тородд и Хакон получают больше, чем если бы это было их собственное владение. Что вы думаете об этом? — Мистина повернулся к братьям Ингвара.

Тородду было уже почти двадцать лет, а Хакону — четырнадцать. Достаточно взрослые, чтобы решать за себя, оба тем не менее обратили вопросительные взгляды к матери. На лицах их было смятение: они не знали, чью сторону в семейном раздоре следует принять.

— Однажды вступив на путь обогащения за счет родных, человек становится опасен, как медведь, испробовавший человеческой крови, — сурово ответила Сванхейд. — Что Ингвар предложит нам, чтобы я могла быть спокойна за будущее младших моих сыновей?

— Мы обсудим условия, которые Ингвар предлагает братьям, как только они пожелают меня выслушать.

— Это мы сделаем завтра. — Сванхейд встала. — Я должна обдумать все, что узнала. Может быть, спросить богов. Дурную весть ты принес мне, — она бросила на Мистину холодный взгляд, в котором сквозила боль, как вода под слоем голубого льда. — Мой сын вырос драконом, готовым пожирать своих!

Она вышла, и все в гриде проводили ее тревожными взглядами.

— О, Мисти! — Альдис смотрела на посланца с тревогой. Лицом она так походила на старшую сестру, что Мистине стало неловко, будто перед ним вдруг очутилась сама Мальфрид. — Она...

— Она же не проклянет его, нет? — хриплым ломающимся голосом закончил Хакон, самый младший из братьев.

Вероятно, королева Сванхейд раскидывала руны в уединении, но никому не сказала, что они открыли ей. Однако на следующий день она согласилась выслушать, что Ингвар предлагает братьям: третью долю дани и пошлин, собираемых в Хольмгарде, с правом беспошлинной продажи всего этого в Киеве или в самом Царьграде, когда новый князь восстановит договоры с греческими кейсарами. К тому же Ингвар брался поспособствовать тому, чтобы все братья получили невест самых знатных родов, а сестра — жениха.

— Для Тородда у нас припасено кое-что особенное, — рассказывал Мистина. — Одна родная сестра Эльги обручена с сыном воеводы Чернигостя, но вторая еще свободна. Ей пятнадцать лет, и по славянским обычаям она уже годится в жены. Я видел ее три года назад и могу сказать тебе, Тородд, что красотой она почти не уступает Эльге. Что скажешь? — Он подмигнул парню. — Такая невеста достойна твоего рода, и Эльга сама устроит этот брак. Тебе останется лишь послать за девушкой, чтобы ее доставили сюда.

— Кстати, о Плескове, — вспомнила Сванхейд. — Возможно, вы в Кенугарде еще не знаете, что у нас больше родичей, чем мы думали.

— Так всегда оказывается, стоит кому-то добиться успеха! — Мистина засмеялся. — Когда человек становится конунгом, у него обычно находится куда больше родни, чем он раньше думал!

— Нет, этот человек появился еще зимой, пока Ингвар не был конунгом. Это брат его жены.

— У нее, сколько я знаю, два родных брата и два двоюродных. . .

— Это ее сводный брат. Старший сын ее отца, он родился в Хедебю и лишь осенью впервые приехал в Гарды. Его имя Хельги Красный.

Мистина изменился в лице: непринужденная любезность слетела с него, сменившись недоверием.

— Что? — обронил он, и в этом коротком слове отчетливо слышалось многое: от недоумения до угрозы.

— Он провел здесь у нас месяца два, и мне известны все его обстоятельства из первых рук. Это весьма отважный и предприимчивый мужчина, я бы сказала.

— Мужчина?

— Он на пару лет старше тебя, как мне показалось. Так что, похоже, до наследства Хельги киевского есть больше охотников, чем думает Ингвар.

Мистина помолчал, но Сванхейд по этому молчанию поняла едва ли не больше, чем за весь предыдущий разговор. Лицо его стало замкнутым, в чертах отразилось легкое пренебрежение, а серые глаза вдруг сделались непрозрачными, будто окна в душу закрыли две стальные заслонки. Это выражение не обещало ровно ничего хорошего тому, о ком он думал в эти мгновения.

Сванхейд постучала пальцами по подлокотнику сиденья. Она была еще недурна собой: ей оставалось два-три года до пятидесяти, но черты худощавого лица — продолговатого, с высокими скулами, — даже при морщинах остались четкими, и в них ум и решимость вполне заменяли красоту. Произведя на свет одиннадцать детей, она раздалась в бедрах, но не расплнела; в прямом платье синей шерсти с золочеными наплечными застежками, с покрывалом белого шелка на голове немолодая королева выглядела величавой и даже способной восхищать.

— Надеюсь, в мои преклонные годы никто не подумает обо мне дурно, даже если я позову молодого мужчину побеседовать со мной наедине! — улыбнулась она, но голубые глаза ее оставались прохладны. — Идем, — она встала с высокого сиденья с резной спинкой и сделала Мистине знак следовать за ней.

Закрыв за собой дверь спального чулана, она села на лежанку и указала Мистине на большой ларь.

— Ну а теперь, — тихим голосом произнесла она, — расскажи мне, что произошло в Кенугарде на самом деле. Руны открыли мне, что ты выложил лишь внешнюю сторону событий. Внутренняя осталась скрыта. И пока я не узнаю ее, я не смогу решить, сын мой стал конунгом в Кенугарде или жадный дракон.

Мистина взглянул ей в глаза — более пристально, чем дозволено мужчине перед женщиной, молодому перед той, что годится ему в матери, хирдману — перед королевой. Он без затруднений умел и утаивать правду, и исказить ее, но также понимал, что иной раз правда полезнее самой красивой лжи. Опытная женщина королевского рода могла оценить и те преимущества, которые теперь получил ее сын, и тех людей, которые ему это обеспечили.

Ингвар не хуже других понимал, как провинился перед собственным родом — хоть и пришло это понимание уже тогда, когда дело было сделано. Но не желал усугублять вину ложью перед матерью. Если бы Сванхейд простила его и приняла его сторону, это в немалой степени сгладило бы дурные последствия; но попытайся он ее обмануть, и эта новая вина легла бы тяжким грузом на прежнюю.

И Мистина рассказал ей все: про старого князя Предслава и священника отца Килана, про исчезновения кур и нападения на людей. А также о том, откуда эти пугающие чудеса взялись¹.

Сванхейд молчала, внимательно разглядывая его. В былые годы она очень хорошо знала и его деда, Альмунда, и его отца, Свенельда, и дядю, Годреда, который погиб еще до рождения Мистины. Лучше его самого Сванхейд видела, как он похож на своих родичей: тот же высокий лоб, прямые русые брови, глубоко посаженные глаза, высокие скулы. Только цвет глаз другой — не пыльного желудя, как у них у всех, а серые, как у матери. Благодаря матери Мистина уродился самым красивым в семье. Это Сванхейд своим женским взглядом заметила в первую очередь — но не только это. И пожалуй, с Годредом у него даже больше сходства, чем с собственным отцом, хоть он сам и не может этого оценить — очень высокий рост, сложение, покатые плечи... Честолюбия в нем не меньше, но более уверенности. В Годреде вечно тлела жажда борьбы и победы, а этот источает убежденность, будто уже победил. Повадка, взгляд Мистины выражали ум, упорство и целеустремленность, придававшую ему сходство с дорогим рейнским мечом, который и сам по себе сокровище, и способен проложить путь к новым, еще не завоеванным сокровищам. Этот, единственный мужчина в поколении Альмундовых внуков, пожалуй, пойдет дальше всех в роду.

Рассказывая, Мистина видел: его расчет оправдался. В глазах Сванхейд проступало не столько негодование, сколько понимание и любопытство. Причем не только к событиям, но и к тому, кто рассказывал. Своим доверием к ее уму и опыту Мистина добился больше, чем мог бы добиться похвалами ее якобы неувядающей красе, на которые так падки обычные женщины.

¹ Подробно в первой книге цикла, «Княгиня Ольга. Невеста из чащи». — (Здесь и далее — прим. авт.)

— О боги! — Сванхейд приложила руку к груди. — Ты.. допустил, чтобы оборотень напал на твою жену! Скажу прямо, тебе не видать было бы моей дочери, даже если бы ты еще не женился.

— Требиня знал, что если он хоть поцарапает мою жену, я сверну ему шею.

— А если бы у нее сердце от страха разорвалось?

— Это едва ли. Она еще до приезда в Киев пережила такое, что ее сердце могло десять раз разорваться. А раз выдержало, значит, его выковали из самого крепкого железа.

— Но она была беременна!

— Тогда, кажется, даже сама она еще не знала. Это выяснилось чуть позже.. — Мистина слегка свел брови, припоминая. — Да, она сказала мне уже после того, как Ингвара подняли на щите. Я надеюсь, она родит много сыновей и это будут храбрые парни. Ведь известно, что силу духа сыновья наследуют от матери.

Пока он говорил, взгляд королевы не раз соскальзывал с его лица на середину груди; замечая это, Мистина стал не спеша расстегивать кафтан. Сванхейд внимательно следила за его рукой, не пропуская между тем ни одного слова.

— Кто бы мог подумать.. — пробормотала она, когда он закончил. — Когда ты родился, я приняла тебя и обмыла. Сколько же лет прошло — двадцать пять? Или двадцать три?

— Я на два года старше Ингвара, а сколько ему лет, ты уж верно помнишь, госпожа.

— Тогда ты был вопящим красным младенцем, правда, крупным и тяжелым для новорожденного. Нелегко ты дался твоей бедной матери.

— Но легче, чем тот, что хотел пройти за мной следом.

— Да, второго раза она не пережила. И вот теперь.. — Сванхейд еще раз окинула его взглядом с головы до ног, — ты стал мужчиной, способным свергать одних конунгов и сажать на престол других.

— С тех пор, как ты сама видишь, я заметно подрос.. Все, что мне дали боги, теперь куда больше прежнего, — непринужденно добавил он.

— Всего я еще не видела.. — задумчиво заметила Сванхейд.

— Если госпожа моя королева пожелает.. — понизив голос, ответил Мистина с неповторимой смесью достоинства и мягкой вкрадчивости.